

Конец истории. Конец утопии. Конец будущего?

УДК 123.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-34-40>

А. А. Власов

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация
e-mail: mioxin@gmail.com

Аннотация: Утопия как «место, которого нет», неизбежно сопутствует истории человеческого общества, открывая для себя все большее количество дискурсов и выступая в качестве неотъемлемого конструирующего элемента будущего. При этом особое внимание обращают на себя те противоречия, которые обнаруживаются в рамках трактовки самого термина утопия, что приводит в результате к выявлению многоуровневой асимметрии, заключенной внутри утопии. И это обстоятельство, в свою очередь, позволяет поставить вопросы о том, каким образом утопия, как исторический феномен, обнаруживает для себя место в условиях конца истории, конца будущего и, возможно, конца самой себя. В этом отношении в статье проводится анализ и сопоставление двух возможных векторов утопического нарратива с тем, чтобы указать на вероятные сценарии будущего, которое они предполагают.

Ключевые слова: утопия, будущее, конец истории, революционное движение, конструктивизм.

Для цитирования: Власов А. А. Конец истории. Конец утопии. Конец будущего? // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 1 (111). С. 34–40. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-34-40>

THE END OF HISTORY. THE END OF UTOPIA. THE END OF FUTURE?

Aleksandr. A. Vlasov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation
e-mail: mioxin@gmail.com

Abstract: Utopia as “a place that does not exist” inevitably accompanies the history of the human community, discovering an increasing number of discourses and acting as an integral constructive element of the future. At the same time, special attention is drawn to those contradictions that are found within the framework of the interpretation of the term utopia itself, which results in the identification of a multi-level asym-

---

ВЛАСОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ – старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российской государственной гуманитарного университета

VLASOV ALEKSANDR ALEKSANDROVICH – Senior lecturer, Foreign language department, Faculty of international relations, political science, and area studies. Russian State University for the Humanities

© Власов А. А., 2023

metry contained within utopia. And this circumstance, in turn, allows us to raise questions about how utopia, as a historical phenomenon, finds a place for itself in the conditions of the end of history, the end of the future, and, perhaps, the end of itself. In this regard, the article analyzes and compares two possible vectors of the utopian narrative in order to indicate the likely scenarios for the future that they suggest.

Keywords: utopia, future, the end of history, revolutionary movement, constructivism.

For citation: Vlasov A. A. The end of history. The end of utopia. The end of future? *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no.1 (111). Pp. 34–40. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-34-40>

У-топос, буквально «который нигде не встречается», – это понятие, которым мы обязаны английскому философу Томасу Мору. Именно в его «Утопии», опубликованной в 1516 г., впервые использовано это понятие, а, в свою очередь, успех самого произведения сделал этот термин популярным.

Утопия Мора – это остров с лучшей формой правления в мире. Однако к настоящему моменту понятие *утопия* отмечено весьма широким семантическим разнообразием. Из чего можно заключить, что само определение утопии становится проблематичным по нескольким причинам. Во-первых, исследования утопии затронули целый ряд дисциплин: достаточно указать ее воздействие на историю, литературу, культурную антропологию, на изучение политических теорий, а также – на психологию и философию. Следовательно, каждая из этих дисциплин вошла в область утопии со своим собственным методом, со своими понятиями, что способствовало не только расширению перспектив утопии, но и усложнению ее определения. При этом, такое междисциплинарное распространение утопии также привело и к дальнейшей радикализации разделения в определениях утопии между обычным использованием этого термина и его использованием специалистами отдельных научных дисциплин. Ко всему этому добавляется еще и *идеологическая проблема* в подходе к утопии между теми, кто рассматривает утопию положительно, и теми, кто рассматривает ее отрицательно; между теми, кто видит в утопии идеал со-

вершенства, и теми, кто уничижительно видит в утопии отображение нежелательной реальности [12, с. 12].

Таким образом, поставить проблему определения утопии – значит также поставить проблему ее ограничения по отношению к различным способам мышления, а также попытаться прояснить разветвления и расширения, которые этот термин приобрел с момента его образования Томасом Мором. В этом ключе, ссылаясь на проведенный анализ И. В. Желтиковой и Д. В. Гусева, можно говорить о (порядка) четырнадцати значениях этого термина, функционирующих в современных научных и научно-популярных русскоязычных текстах, среди которых в рамках настоящей статьи следует выделить рассмотрение утопии в качестве образа желаемого будущего [2, с. 43].

Распространившись за пределы литературного жанра и войдя в рамки политического дискурса, утопия стала обозначать любой проект совершенного общества, которое при этом может быть как химерическое (и поэтому названное так уничижительно) или, напротив, общество, которое, содержит в себе принцип реального прогресса, основание и стимул для лучшего будущего. Тем не менее такого рода двоякое прочтение утопии как социального проекта выступает все-го лишь началом диалектической игры противоречий, сопутствующих этому понятию, что приобретает особый смысл в контексте «трех концов» (конец истории, конец утопии и конец будущего), вынесенных в заглавие этой статьи.

В первую очередь, имеет смысл обратиться к вопросу о том, считать ли утопию законченным, идеальным и статичным проектом или, напротив, – динамичным и подвижным. Традиционно утопия представляет собой рационализированное общество в замкнутом пространстве. Это государство, закрытое от внешнего воздействия и, таким образом, не подвергающееся каким-либо изменениям [15]. Аргументы в поддержку тезиса о закрытости и статичности утопии можно обнаружить у Э. Я. Баталова, который считал, что последователи утопий в своем целеполагании всеобщего счастья опираются на незыблемые догмы: «Что такое утопия в пределе? – Это совершенный, а потому мертвый мир, которому просто некуда развиваться» [1, с. 270]. Похожая точка зрения обнаруживается и у других авторов. Так, например, А. В. Петрухин и Л. Я. Курочкина утверждают, что «идеал как качественное состояние всегда статичен. Утопия, являясь неким постулатом, – это всегда конечный результат, некая завершенная, логически замкнутая система, развитие в которой не имеет места» [8, с. 252]. И в этом отношении утопия выступает как тот самый химерический антипод гуманизма, тогда как последний понимается как подвижный конструктивный подход, допускающий плюралистические и неидеальные модели дальнейшего развития общества. Однако можно обнаружить и противоположную точку зрения. Так, например, французский исследователь Ж. Лабрика рассматривает утопизм как живой образ будущего и не признает в нем догматизма. Лабрика указывает на критичность утопического подхода по отношению к существующему обществу, а также – на создание утопистами альтернативных вариантов будущего [6, с. 290]. Подобную точку зрения разделяет К. Н. Захарова, которая указывает, что для утопии нашего времени характерен новый взгляд на саму себя, «взгляд множественный, полифоничный, плюралистичный» [3, с. 121]. Утопии свойственна открытость и динамичность, подтверждением чему слу-

жит прогноз, который еще в 1905 г. предложил Г. Уэллс: современная утопия не может быть статичной, она должна стать динамичной; из застывшей формулы она должна превратиться в переходную fazу, за которой, непрерывно сменяясь, последуют другие [9].

Таким образом, статичное или динамичное понимание утопии приводит к различным моделям конструирования будущего, которое выстраивается в том или ином социальном проекте утопии. То есть, речь идет либо об археологии будущего (в случае понимания утопии как идеального и законченного проекта), когда из картины *прекрасного будущего* берутся образы для несовершенного настоящего. Либо (в случае интерпретации утопии как динамического и многостороннего проекта) образ будущего создается на основе критики *плохого настоящего*. Следовательно, будущее может быть рассмотрено как линейно (когда утопия представляет собой его пассивное ожидание), так и вариативно и творчески (в случае, если утопия предполагает принцип его конструирования). В этой связи интересно обратить внимание на сохраняющийся революционный характер утопии, который при этом радикально меняет свой вектор в зависимости от трактовки исходного понятия.

Будучи критикой относительно существующей реальности, утопия обнаруживает две модели революционного действия. Первая связана с коренными преобразованиями несовершенного общества в настоящем с целью создания лучшего места (и в этом случае *у-топия* – «место, которого нет» – приобретает характеристики *эу-топии* – «благого места»). Вторая модель, напротив, демонстрирует *возвратное движение* (*revolutio* в своем изначальном, астрономическом значении), когда идеальной моделью общества становится некогда утраченная форма социальной организации (идея *потерянного рая*). И, несмотря на то, что традиционно подобный подход скорее характерен для *утопии* [4, с. 180], именно на эту тенденцию постмодернистской утопии указыва-

ет французский исследователь Э. Морин: «Реальность настоящего отмечена невидимым падением – невидимым, потому что ушло много времени на то, чтобы это осознать – огромного метеорита. Как и в случае с упавшим в конце вторичной эры большим метеоритом, которому приписывают вымирание динозавров, это падение надолго покрыло всю землю облаками. Этот новый метеорит не нацелен на динозавров, чтобы их уничтожить. Его цель – наше будущее: гарантированное развитие, этот «никелевый» прогресс, непрерывное улучшение, которое руководило нами и вселяло в нас надежду. Итак, идея детерминированного, механического, фатального, необходимого, чудесного, лучезарного прогресса уничтожена. В этих условиях мы прекрасно понимаем, что существует бурное возвращение в прошлое или прошлые» [16, с. 155; перевод автора].

В этой связи мы сталкиваемся не только с концом будущего, но и с концом самой утопии как исторического понятия по причине конца самой истории. Как показывает Ж. Монтено, автор работы «Возможно ли общество без утопической мысли?» (*Une société sans pensée utopique est-elle concevable?*), пространственная замкнутость утопии по отношению к внешним влияниям приводит к ее замыканию по отношению к истории и становлению. Утопический нарратив, безусловно, в состоянии рассказать о том, как устроено утопическое общество, но он никогда не предвидит его будущую эволюцию. Следовательно в своей основе он является внеисторическим продуктом [15]. Таким образом, если мы сопряжем эту идею с известной мыслью Ф. Фукуямы о конце истории ввиду достижения человечеством своей высшей точки развития в форме капиталистического общества либеральной демократии (которую некоторые исследователи считают также одной из форм утопии [10]), становится понятной точка зрения сторонников конца утопии.

Так, Г. Маркузе в своей работе [7] указывает на тот факт, что утопия относится к

проектам социальных изменений, которые считаются невозможными по причине не зрелости социальной ситуации. Однако, согласно его убеждению, в настоящее время проект социального преобразования может считаться неосуществимым только при условии, что он противоречит определенным научно установленным законам, биологическим законам, физическим законам (например, идея вечной молодости или возвращение к Золотому веку) [7, с. 19]. Кроме того, сторонники «конца утопии» делают акцент на современных технологиях как на инструменте, конструирующем будущее. А также они указывают на невозможность появления утопического сознания (изначально являющимся выражением коренных социальных потребностей [5]) в рамках современного постмодернистского общества. Ведь «соединение стабильности и статичности общественной жизни с замкнутостью индивидуумов на самих себя, одиночеством и индивидуализмом, агностицизмом, пессимизмом и нигилизмом приводит к отрицанию утопической направленности сознания» [3, с. 120], которое тем более противоречит стабильности и конечности постиндустриального общества, поскольку несет в себе риски установления тоталитарных режимов.

С другой стороны и в противовес сторонникам конца утопии, Ф. Джеймисон, автор работы «Археология будущего: желание, названное утопией, и другая научная фантастика» (*Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and other Science Fictions*) следующим образом диагностирует специфические недуги современного общества, для лечения которых может использоваться утопия: «Наносит вред не присутствие врача, а скорее всеобщая вера в то, что не только эта тенденция [неолиберализм – А. В.] необратима, но и что исторические альтернативы капитализму оказались нежизнеспособными и невозможными, и что никакая другая социально-экономическая система немыслима, не говоря уже о практической возможности ее осуществления» [14, с. xii; перевод автора].

Именно в подобном контексте утопия обретает новую силу и предлагает альтернативу, в рамках которой она, если мы вновь обратимся к словам Джеймисона, становится формой, которая «сама по себе является репрезентативной медитацией о радикальном различии, радикальной инаковости» [там же]. Согласно его позиции, не существует такой силы, которая могла бы что-то противопоставить подобной форме, обозначающей себя в оппозиции к подавляющей и стандартизирующей власти настоящего; власти, которая превращает каждую попытку, направленную в сторону гетерогенности любой из сфер социальной жизни – от более конкретного политического действия к более абстрактному культурному производству, – в увеличение количества одного и того же гомогенного продукта неолиберализма.

Кроме того в диалектическом изложении Джеймисона можно обнаружить неразрывно сопряженную с утопией мысль о *другом*, которая также является способом построения точки зрения, с помощью которой можно различать давление и ограничения текущей ситуации, то есть конкретного настоящего. В одном из своих ранних эссе Джеймисон переворачивает общепринятое представление о специфической природе инаковости, построенной на базе утопии как формы противопоставления настоящему: «Самая глубокая тема утопии и источник всего того, что в ней наиболее ярко выражено политически, это именно наша неспособность постичь ее, наша неспособность произвести ее как видение, наша неспособность спроектировать *Другого* из того, что подобно фейерверку, растворяющемуся в ночном небе, должно снова оставить нас наедине с этой историей» [13, с. 101; перевод автора].

В этом случае оказывается, что утопия – это размыщение об ином и одновременно размыщение о том, что есть. Именно это противоречие демонстрирует, что каждая утопия стремится представить себе *систему*,

радикально отличную от данной. Тем самым она открывает доступ к системной природе общества, к тому самому, что идеология старается стереть. Специфическая политическая полезность находки Джеймисона состоит при этом в том, что она идет вразрез с фрагментарным зерном современных ей модусов мышления: демонстрируя системную природу общества, она открывает возможность того, что можно назвать мыслью о *тотальности* настоящего.

Продолжая, таким образом, практическое приложение утопической мысли, следует также указать на тот факт, что бывшие политические утопии – проекты поиска лучшей формы правления и политической организации – сами перестают быть утопическими в современном понимании этого слова. Как подмечает К. Сайяр, на протяжении всей истории были созданы тысячи утопических общин. Их целью было организовать лучший образ жизни, который в конечном итоге станет образцом для остального общества. Здесь важно подчеркнуть тот факт, что не все воплощения утопических теорий в жизнь были неудачными, утопия жила не только в книгах [18]. Кроме того, другая исследовательница утопии Йона Фридман, говоря о генезисе утопии, разделяет его на три элемента: коллективное недовольство, обнаруживаемое средство, способное положить конец этому недовольству, и коллективное согласие. Согласно Фридман, коллективная неудовлетворенность обычно приходит после открытия средства, которое может положить конец этой неудовлетворенности: мы не удовлетворены, потому что знаем, что могли бы иметь что-то другое вместо того, что имеем. Следовательно, утопия, когда она рождается (то есть когда выполняются указанные выше условия), необходимо прагматична, даже сверх того – в этом случае она является единственным прагматическим решением. Иначе говоря, единственным решением, которое не является «утопическим» [11]. И, таким образом,

мы вновь видим, как деутопизированная утопия возвращается к конструированию будущего, в очередной раз сопрягая его с критикой настоящего. Более того, к этой негативной герменевтике, основанной на способности утопии заставить нас смотреть в лицо ограниченности нашего мира, следует добавить тот самый утопический импульс, который скрыт во всем, ориентированном в будущее и имеющем отношение к жизни и культуре.

В этом аспекте даже важно не то, что утопия составляет чертежи будущего или того, как может выглядеть другая система социальной организации. Она политически сильна именно в той мере, в какой она отражает нашу неспособность вообразить что-то за рамками детерминированного единобразия нашего времени. Но тем самым она также производит в самой основе своего проекта то, что отрицает наличествующая система, то есть желание перемен. Именно утопия дает этому желанию «местно обитания и имя», тем самым делая возможным его восприятие. И чтобы в своих ограничениях как последователей протоколов, а не проводников возможностей, общество все еще искало рецепты того, как выглядит утопия, Джеймисон указывает на то, что утопический текст не должен производить синтез того, как утопия может выглядеть в будущем сама по себе, или даже представлять ее, – это дело человеческой истории и коллективной практики. Идея утопии должна лишь произвести потребность в

синтезе, открыть пространство, в котором он должен быть представлен [14].

В заключение хочется обратиться к позиции Жаклин Русс, которая добавляет к определению Аристотелем человека как «политического животного» то, что он также является и «утопическим животным» [17]. Именно в этом смысле утопия может быть определена как мысленный эксперимент, пытающийся решить проблему настоящего с помощью силы воображения. Такого рода проверка используется, чтобы попытаться понять практическое через аналогию: утопия создает прецедент для мысленного исследования, в котором она предлагает экспериментальную вариацию по отношению к нашей эмпирической вселенной. Таким образом, согласно позиции Русс, необходимо прекратить апологию реальности как единственно возможного источника рациональности, поскольку «человеку нужна утопия, как ему нужен кислород» [там же]. И утопическое мышление должно иметь свое место в жизнеутверждающих соображениях, потому что сама утопия не так уж утопична. Именно в этом ключе следует рассматривать утопию как инструмент диагностики ограничений настоящего и как видение нереализованного – и, возможно, неосуществимого – будущего. В этом смысле ценность утопии заключается в том, что каждая из этих двух противоположностей определяет другую и оставляет открытой возможность для эффективного изменения, которое невозможно представить в рамках настоящего.

Список литературы

1. Баталов Э. Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. Москва : Политиздат, 1989. 320 с.
2. Желтикова И. В., Гусев Д. В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология. Орел : Издательство ОГУ, 2011. 172 с.
3. Захарова К. Н. Социальная утопия современного общества // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012. №2 (26). С. 119–124.
4. Ковтун Н. В. Роман В. Ф. Одоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307. №5. С. 179–183.

5. Кярова М. А. Функциональность утопии как феномена социальной жизни // Научный интернет-журнал «Мир Науки». 2014. Выпуск 2.
6. Лабрика Ж. Марксизм между наукой и утопией // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2004. № 5. С. 268–293.
7. Маркузе Г. Конец утопии /Пер. с англ. Артема Смирнова // ЛОГОС. 2004. № 6 (45). С. 18–23.
8. Петрухин А. В., Курочкина Л. Я. Плюрализм трактовок феномена «Утопия» в контексте единой европейской утопической традиции // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2009. Т 5. № 11. С. 251–254.
9. Уэллс Г. Современная утопия // Завтра: Фантаст. альманах. 1991. Вып. I. С. 120–130.
10. Bret B., Didier S. and Dufaux F. Utopias as a tentative horizon for spatial justice [Электронный ресурс] // Justice Spatiale | Spatial Justice. 2012. [вэб-сайт]. URL: <http://www.jssj.org/wp-content/uploads/2013/09/JSSJ5-1-en1.pdf>
11. Friedman Y. Utopies réalisables. Les Coiffards: Editions de l'éclat, 2015. 240 p.
12. Guertin M. La contestation dystopique (étude sur les rapports entre l'utopie, l'idéologie et la dystopie). Trois-Rivières: Presse de la Université de Québec, 2000. 400 p.
13. Jameson F. Of Islands and Trenches: Neutralization and the Production of Utopian Discourse // Ideologies of Theory: Essays 1971–1986, vol. 2. 1988. Pp. 75–101.
14. Jameson F. Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and other Science Fictions. London : Verso, 2005. 431 p.
15. Montenot J. Une société sans pensée utopique est-elle concevable? [Электронный ресурс] // Docplayer. 2018. [Electronic resource]. URL: <https://docplayer.fr/210562456-Une-societe-sans-pensee-utopique-est-elle-concevable.html>
16. Morin E. Réalisme et utopie // Diogène, 2005/1. №209, Pp. 154–164.
17. Russ J. Le socialisme utopique français. Paris : Bordas, 1988. 217 p.
18. Sayar K. L'utopie est-elle utopique ? Paris : LeS dOIGtS bLeUs, 2013. 23 p.

*

Поступила в редакцию 26.12.2022